

RU

Текстоментальные категории евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков)

Алексеева Е. М.

Аннотация. Цель исследования – показать, каким образом текстоментальные категории – сакрально-религиозное толкование и сакрально-религиозная интерпретация – проявляют себя в тексте евангельской притчи. В статье рассмотрены особенности функционирования текстоментальных категорий сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выявлены особенности выражения процессов сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации в сравнительном аспекте в тексте евангельской притчи на материале немецкого и русского языков. В результате исследования установлено, что сакрально-религиозное толкование как экспликация процесса понимания посредством референциального умножения раскрывает образы и символы евангельской притчи, взятые из повседневной жизни, которые понимаются как вероучительные истины, как вразумление мудрости. Сакрально-религиозная интерпретация посредством метаксвивизации специфицирует своеобразие перспективных картин видения в тексте евангельской притчи, порождаемых точкой зрения, как ее духовную идею. Служащая воплощению процесса размышляюще-рефлексирующего умозрения (театации), сакрально-религиозная интерпретация евангельской притчи выводит за рамки представленной картины житейского видения и переводит ее на трансцендентный уровень.

EN

Textmental categories of the Gospel parable (based on German and Russian)

Alekseeva Y. M.

Abstract. The research aims to demonstrate how textmental categories (sacral-religious analysis and sacral-religious interpretation) manifest themselves in the text of the Gospel parable. The paper examines the functioning characteristics of the textmental categories of sacral-religious analysis and sacral-religious interpretation. The scientific novelty of the research lies in identifying the expression features of sacral-religious analysis and sacral-religious interpretation processes in a comparative aspect within the text of the Gospel parable using the material in German and Russian. The research findings indicate that sacral-religious analysis, being the explication of the understanding process through referential multiplication, reveals the images and symbols of the Gospel parable drawn from everyday life, which are perceived as doctrinal truths and wise teachings. Sacral-religious interpretation through metaxyvization specifies the distinctive perspective images in the text of the Gospel parable generated by points of view as its spiritual idea. Serving as an embodiment of reflective contemplation (theatation), sacral-religious interpretation of the Gospel parable transcends the framework of the presented worldly vision and translates it to a transcendental level.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена повышенным интересом к проблемам интерпретации и толкования сакрально-религиозных текстов, к числу которых относятся и тексты евангельских притч. Что же касается сравнительно-сопоставительного аспекта категорий сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации, то это направление в филологии является относительно новым и остро нуждается в методологическом, системообразующем и категориальном обосновании и разработке. Необходимость изучения процессов сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации обусловлена и тем, что остаются неясными вопросы о том, имеется ли принципиальная разница между процедурами сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации, и если да, то в чем она

заключается. Кроме того, актуальность определяется, с одной стороны, антропоцентрическими тенденциями в языкознании, с другой – рассмотрением предлагаемых категорий, включающих религиозно-философские компоненты, отвечает постоянно растущему интересу лингвистики, поэтики, истории, философии к изучению библейского текста. Текстоментальные категории сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации относятся к числу антропоориентированных дискурсивных явлений, поэтому нам представляется, что тема не потеряет значимости в ближайшие годы.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: 1) определить ведущие языковые признаки евангельской притчи; 2) кратко осветить основополагающий подход к определению категорий «текстоментальность», «толкование», «интерпретация»; 3) определить категории сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации; 4) выявить и описать особенности функционирования текстоментальных категорий сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации в евангельской притче в немецком и русском переводах.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Прежде всего использовался такой метод, как описательно-аналитический, включающий прием теоретического обобщения, который даёт возможность выявить языковые особенности евангельской притчи, определить текстоментальные категории сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации. В работе использован сравнительно-сопоставительный метод, применение которого позволяет выявить отличительные черты категорий сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации. В качестве метода также используется семантико-контекстуальный анализ, так как при рассмотрении семантических и функциональных особенностей сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации в тексте евангельской притчи учитывается контекст их употребления.

Материалом для исследования послужил немецкоязычный текст (в переводе М. Лютера, современная редакция 1964 года) евангельской притчи «О неводе» (Мф 13:47-50) (Die Luther-Bibel. 1984. <https://www.die-bibel.de/bibeln/online-bibeln/lesen/LU84/MAT.13/Matthäus-13>) и его Синодальный перевод на русский язык (Новый завет. Псалтырь. Притчи. М.: Российское Библейское общество, 2005).

В качестве дополнительного и справочного материала были задействованы следующие словари, учебные пособия и толкования на Евангелия:

- Большая советская энциклопедия (БСЭ): в 30-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1967-1978. Т. 19.
- Василий. Беседы на Евангелие от Марка. М.: Отчий дом, 2007.
- Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. СПб.: Изд. автора, 1879.
- Дворецкий И. Х. Латинско-русский. М.: Русский язык, 1976.
- Добыкин Д. Г. Православное учение о толковании Священного Писания: лекции по библейской герменевтике. СПб.: СПбГДА, 2016.
- Евангельские притчи Господа нашего Иисуса Христа с толкованиями святых отцов и учителей церковных / сост. В. Чернов. М.: Артос-Медиа; Николин день; ИП Захаров Н. С. (Синописисъ), 2018.
- Пивоваров Д. В. Сакральное // Философия религии: учебное пособие. М.: Акад. проект, 2006.
- Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS). <https://www.dwds.de/wb/Himmelreich>.

Теоретическую базу исследования составляют труды по изучению семантических универсалий текста с установкой на понятия текстоментальности, интерпретации, толкования, перспективы текста, ментального акта, сакрально-религиозной интерпретации (Марова, 1989; 2006а; 2006б; 2022; Велижанина, 2011); роли феномена «сакральное» в философии (Пивоваров, 2006); подходы к этой проблеме в лингвистике (Гриненко, 2000). Мы также опираемся на работы исследователей библейских текстов (Бобырева, 2020; Кармадонова, 2020; Кульченко, 2019; Шатохина, 2023).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов в лекционно-семинарских курсах по стилистике, лингвистике и интерпретации текста, в спецкурсах и на практических занятиях при обучении языку (родному и иностранному), при создании учебных и учебно-методических пособий по данной тематике.

Обсуждение и результаты

Евангельские притчи в силу своей жанровой специфики представляют интересным материалом для исследования процессов функционирования категорий сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации, поскольку проявляют в притчевом тексте признаки, которые, с одной стороны, сближают их с универсальными процессами толкования и интерпретации (Марова, 2006а; 2006б; 2022), с другой – придают им специфические сакральные черты. Это связано с тем, что притчевый текст сакрально-религиозной ориентации отличает момент субъективного, поскольку целью притч является не только раскрытие тайны определенного Знания (Истины), но и рассказ о мировоззренчески предопределенной системе Божественных идей, соотнесенных с субъектной точкой зрения Интерпретатора, Иисуса Христа.

Текст притчи приобретает сакральный аспект в контексте Библии как Истины о Невидимом. Представления о сакральном с наибольшей полнотой выражены в религиозном мировоззрении, где сакральное – предикат тех сущностей, которые являются объектом поклонения и Веры. Так, с точки зрения Г. В. Гриненко, сакральное «считается важнейшей составляющей почти любой религии или мистического учения» (2000, с. 33).

Сакральный (от лат. *sacer* «священный, святой», «внушающий благоговейное уважение») выступает как элемент религиозной культуры и несет в себе духовные понятия, в которые надо верить: Бог, Вера, Слово (Дворецкий, 1976). Понятие «сакральное» употребляется также по отношению к трансцендентному (от лат. *transcendens* «перешагивающий, выходящий за пределы»), являясь его сущностью. Специфика евангельской притчи выражается в доминировании категории духовности, ориентированной прежде всего на трансцендентную реальность. Как отмечают исследователи, «помещая абсолютное в мир вещей, притча вносит в этот мир не присущую ему (трансцендентную) свободу от установленных этому миру законов» (Мухелишвили, Шрейдер, 1989, с. 102). Евангельская притча становится аргументом для истинности Веры, носит печать сакрального (о параметрах сакрального текста см., например, работу (Кульченко, 2019, с. 274-275)).

Одной из ведущих черт евангельской притчи является ее параболичность (от нем. *Gleichnis* «то, что можно сравнить с чем-то другим», от *gleich* «совпадающий по всем или существенным признакам, похожий, один и тот же», «имеющий тот же облик»; от греч. *παραβολή* – «кидать возле», «сопоставлять, сравнивать что-то с чем-то», «приближаться, отстраняясь от прямого пути»), которая указывает на семантику соответствия, слияния воедино конкретного и абстрактного, а также предполагает наличие нескольких предметов, сопоставляемых между собой (Вейсман, 1879; DWDS). Так, в математике парабола представляет собой бесконечно простирающуюся кривую, симметричную относительно оси (курсив автора статьи. – Е. А.) (БСЭ). За конкретной образностью евангельской притчи, берущей за основу события из повседневной жизни людей, угадывается второй, иносказательный план повествования. Весь спектр ее языковых средств направлен на реализацию сложного замысла, в основе которого лежит обращение к Божественной, сакрально-религиозной сфере (слово *евангелие* от греч. *euangelion*: *eu-* – «хороший, добрый, приятный, радостный», *-angellion* – «известие, сообщение, послание» – благая весть). Притчевая форма в своей двуплановости (соотнесение абстрактного и конкретного), через которую Свыше дается Божественное откровение, показывает духовно-нравственный мир, который зарождается среди этого, земного, мира. Таким образом, евангельская притча обладает способностью внедрять признаки иной сферы, которая выходит за пределы нашего чувственного опыта, за границы мира, в котором мы существуем. Прием иносказания, действуя на уровне дискурса и выполняя текстообразующую функцию, определяет уникальные особенности *текстоментальной* структуры притчи.

В нашем исследовании мы исходим из того положения, что сакрально-религиозное толкование и сакрально-религиозная интерпретация – это отдельные, самостоятельные *текстоментальные* процедуры, которые являются имманентными категориями текста евангельской притчи и проявляют уникальные особенности своего выражения. Поясним выделенный термин. Под *текстоментальностью*, вслед за Н. Д. Маровой (2006а, с. 21-24; 2022, с. 78-84, 224), понимаем текст, рассмотренный в аспекте выражения им парной системы шести фундаментальных исходных ментальных процессов, которые в каждом конкретном тексте обретают роль отдельных ментальных *субтекстов* и проявляют различную степень маркированности (эксплицитность или имплицитность): *наблюдение* и *идентифицирующая фиксация* объектов видения; *познание* и *объяснение* внутренних связей объектов видения; *понимание* и *толкование* скрытого смысла знаков; *ценностно-оценочное отношение* и *оценка* картины видения; *ментофлуктуация* как проявление внутренней речи и индивидуальная *ассоциативизация* видения; *теататация* и *интерпретация* текстоментального акта. Термин «текстоментальность» предполагает осмысление того, какого рода ментальное действие производится в данный момент в тексте (Марова, 2022, с. 80).

Мы полагаем, что сакрально-религиозное толкование является способом осуществления текстоментального процесса *понимания* на основании того, что в основополагающей для нашего исследования концепции понимание – это ментальный процесс, призванный посредством толкования устанавливать/раскрывать/искать/определять скрытое смысловое/сущностное содержание текста, мыслимого в качестве адекватного, правильного или истинного. При толковании используется способ референциального мультиплицирования (умножения), при котором расширяется, углубляется, уточняется референциальное текстовое пространство. В этом качестве толкование выражает процесс смыслообразования. Субстанциональной формой толкования выступает контенсив (от англ. *content* «содержание»), который определяется как вызываемые текстом и упорядоченные им содержательные области или референциальные картины видения. Контенсив устанавливает наличие концептологической картины (Марова, 2006b, с. 210-262; 2022, с. 171-182). Отметим, что евангельская притча рассматривается как феномен, анализ которого входит в компетенцию экзегезы (от греч. *ἐξήγησις* «изъяснение, толкование»), т. е. толкование неясных мест, смысла слов и символов Библии (о способах библейского толкования притчи см., например, работу (Кармадонова, 2020, с. 155-157)). Понимание основывается на экзегезе, т. е. на толковании, которое выводит скрытый смысл из библейского текста. Следует отметить, что в православном учении существуют различные способы толкования библейского текста: буквальный или историко-грамматический метод; историко-критический; небуквальные (духовные) методы толкования (аллегорический, тропологический, типологический, анагогический); святоотеческий метод; аккомодативный метод (Добыкин, 2016). Эксплицитные тексты сакрально-религиозного толкования, данные Христом, мы находим в Новом Завете только для двух притч: «О Сеятеле» (Мф 13:3-23; Мк 4:3-20; Лк 8:5-15) и «О пшенице и плевелах» (Мф 13:24-43). Иисус истолковывает смысл текстов Своим ученикам в ответ на их просьбы об этом: “So hört nun ihr dies Gleichnis von dem Sämann.” / «Вы же выслушайте значение притчи о сеятеле:» (Мф 13:18); “Und seine Jünger traten zu ihm und sprachen: Deute uns das Gleichnis vom Unkraut auf dem Acker.” / «И, приступив, к нему, ученики Его сказали: изъясни нам притчу о плевелах на поле» (Мф 13:36). Для других текстов притч Иисус представляет возможность слушателям самим доискиваться до их истинного смысла.

Заметим, что существует множество авторитетных толкований евангельских притч: от святителей Иоанна Златоуста, Григория Нисского, блаженного Феофилакта Болгарского до выдающихся проповедников XX столетия – праведного Иоанна Кронштадтского, святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Аверкия (Таушева), митрополита Антония (Блума) и других известных архипастырей и пастырей (Евангельские притчи, 2018). Сакрально-религиозное толкование направлено на поиски глубинного смысла, изначально заложенного в притчевом тексте, о чем говорит Иисус в Евангелии: “Ich will meinen Mund auftun in Gleichnissen und will aussprechen, was verborgen war vom Anfang der Welt an”. / «Отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира» (Мф 13:35). Таким образом, под *сакрально-религиозным толкованием евангельской притчи* мы понимаем извлечение его концептуального (сущностного) скрытого содержания (анагогического смысла), который носит характер некоторой неявной, но открываемой вероучительной (духовной/богооткровенной/поучительной) истины, которая становится принципом нравственной жизни. В этой связи вспомним слова Н. Л. Мухелишвили и Ю. А. Шрейдера о том, что «притча передает живое знание, требующее личных усилий понимания» (1989, с. 104).

Интерпретация есть способ действия текстоментального процесса *театации*, или рефлектирующего умозрения, усматривающего самоценность / статусность / претативность (от лат. *pretium* «цена, стоимость, плата») / своеобразие текстовой действительности (картины видения), порождаемой точкой зрения субъекта. При интерпретации используется способ метаксивизации (от греч. *μεταξύ* «между, в промежутке»), т. е. организации акциональных посреднических связей между отдельными картинами видения. Субстанциональной формой интерпретации выступает категория текстовой перспективы, порождаемая точкой зрения, благодаря которой в тексте образуется перспектива. Театация с ее интерпретативным ресурсом проявляет способность умственного обозрения эмпирически заданной картины видения и трансцендированию от нее в область возвышенных категорий (Марова, 1989; 2006а; 2006б; 2022). Связь категории сакрально-религиозной интерпретации с понятием трансцендентного проявляется в том, что в данном случае интерпретация, являясь процедурным способом осуществления процесса театральной, выводит за рамки представленного в тексте притчи обыденного (житейского) видения и переводит его на трансцендентный уровень. За счет этого осуществляется переход из житейской перспективной системы видения в сферу сакральной, духовной веры, которая в Новом Завете провозглашается в качестве истинной Веры. Посредством сакрально-религиозной интерпретации мы получаем возможность «проникнуть» в *иное* измерение реальности, в мир Бога. Согласно точке зрения Р. Отто (о понятии «сакральное» у Р. Отто см. работу (Пивоваров, 2006, с. 149-159)), сакральное – *Совершенно Иное (Ganz Andere)*. Оно духовно, самодостаточно, вечно, трансцендентно, сверхчувственно, едино, целостно, неделимо. Его бытие выше всякого существования. Оно надличностно и табуируется как высшая ценность. Так, сакрально-религиозная интерпретация как метаксативный посредник не только связывает человека с трансцендентной сферой, но также «насыщает» императивом экзистенциального характера, который является одновременно и ее претативной целью или сакрально-религиозной ценностью. Сакрально-религиозная претативность проповедуется в евангельских притчах с точки зрения Христа и выражает ценностную идею о том, что человек должен обратиться к самому себе (т. е. к саморефлексии) и к вере. Так, под *сакрально-религиозной интерпретацией евангельской притчи* мы понимаем театативное (умозрительное) усмотрение духовного своеобразия (претативности) сакрально-религиозных перспективных картин видения притчи как ее идейно-ценностного статуса (Велижанина, 2011).

Попытаемся на конкретном примере показать особенности функционирования текстоментальных категорий сакрально-религиозного толкования и сакрально-религиозной интерпретации в немецко- и русскоязычном переводе евангельской притчи «О неводе»: “Wiederum gleicht das Himmelreich einem Netz, das ins Meer geworfen ist und Fische aller Art fängt. Wenn es aber voll ist, ziehen sie es heraus an das Ufer, setzen sich und lesen die guten in Gefäße zusammen, aber die schlechten werfen sie weg. So wird es auch am Ende der Welt gehen: die Engel werden ausgehen und die Bösen von den Gerechten scheiden und werden sie in den Feuerofen werfen; da wird Heulen und Zähneklappern sein“ (Die Luther-Bibel, 1984). / «Еще: подобно Царство Небесное неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода, который, когда наполнился, вытащили на берег и, сев, хорошее собрали в сосуды, а плохое выбросили вон. Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь: там будет плач и скрежет зубов» (Мф 13:47-50) (Новый завет, 2005, с. 25).

Рассмотрим текст притчи в аспекте выражения им текстоментального процесса *сакрально-религиозного толкования*. Первым сигналом того, что тексту необходимо придать дополнительный смысл, не представленный в самой притче, является предваряющее текст образное сравнение Царствия Небесного (*Himmelreich*) с неводом, закинутым в море (*einem Netz, das ins Meer geworfen ist*). Это сравнение вносит в текст модус двуплановости и построено по аналогии, выраженной через глагол сравнения *gleicht* (подобен). Все последующее в тексте необходимо соотносить с этим «иным» (*Himmelreich* – Царство Небесное) и принимать в ключе этого подобия. Отметим, что мы не находим для контенсивных элементов (*Meer* – море, *Fisch* – рыба) эксплицитного сакрально-религиозного толкования, которое давалось бы Иисусом Христом, как, например, были установлены семантические тождества для контенсивов в притчах «О Сеятеле» (Мф 13:18-23) или «О пшенице и плевелах» (Мф 13:36-40). Однако мы наблюдаем обыденную, вполне жизненную ситуацию, в которой повествуется о рыболовном промысле при помощи невода, забрасываемого в море для ловли рыбы, которую в последствии сортируют – хорошую оставляют, а плохую выкидывают. Через квалификативно-оценочную лексику выстраивается семантическая оппозиция, которая указывает на противоположные смыслы: *die guten* – *die schlechten* (хорошее – плохое), *in Gefäße zusammenlesen* – *wegwerfen* (собрали в сосуды – выбросили вон). Так, эта история являет в себе достаточно знания и опыта, чтобы быть референциально истолкованной как вразумление житейской мудрости, даже

если оторвать эту притчу от евангельского контекста (хорошее – сохраняем, от плохого избавляемся). Изложенные в тексте факты служат намёком на некую важную и общепринятую истину, которая выражена здесь в главном слове *gut* (добрый, хороший). Это понятие может соотноситься и с добрыми делами человека, и с его нравственными поступками. Далее данная картина референций дополняется другой, требующей более глубокого и скрытого от непосвященных знания, без которого невозможно понимание подлинного назначения данной притчи. Происходит смена семантических картин референций, которая начинает выступать в качестве означающего для новой референциальной картины, содержащей новый сущностный смысл. Он становится иерархически главным, поскольку толкует смысл притчи как сокровенную истину: “So wird es auch am Ende der Welt gehen: die Engel werden ausgehen und die Bösen von den Gerechten scheiden und werden sie in den Feuerofen werfen; da wird Heulen und Zähneklappern sein”. / «Так будет при кончине века: изыдут Ангелы, и отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь: там будет плач и скрежет зубов» (Мф 13:49-50). Без экспликации этого сокровенного библейского смысла текст притчи не достигает своей цели. Так, здесь создается ситуация, в ходе которой мы призваны воспринимать за внешним, видимым, конкретным скрытое, невидимое, абстрактное: скрывается некий архетип ситуации, некий общий закон существования: то, что применимо к рыбе, применимо и к человеку. И только когда это вскрывается благодаря сопоставлению с ситуацией в человеческой жизни, происходит осознание сказанного о рыбе: *lesen die guten in Gefäße zusammen, aber die schlechten werfen sie weg* (хорошее собрали в сосуды, а плохое выбросили вон). Символический статус текста этой притчи требует сакрально-религиозного толкования, чтобы понять подразумеваемое содержание. Тогда эти слова приобретают усиленный духовный смысл, который расширяет их значение. Хорошая рыба (*gute Fische*) семантизируется как праведники (*Gerechten*), плохая рыба (*die schlechten*) – как злые (*die Bösen*), т. е. грешники, апеллируя тем самым к этической стороне человека, к принципам его нравственной жизни, к его благочестивому поведению, предъявляя ему для поучения конкретную ситуацию. Как подчеркивает Е. В. Бобырева (2020, с. 263), Священное Писание представляет собой свод предписаний человеку, как следует и не следует поступать. Заметим, что ситуация нравственного выбора, представленная через прием антитезы, быть «хорошей, доброй рыбой» (*die guten*) или «плохой рыбой» (*die schlechten*), связана с тем, что человек, оказываясь перед выбором, сам должен определить свой жизненный вектор (праведный или грешный – *Gerechten / die Bösen*). На наш взгляд, использование антитезы диктуется основным назначением притчи не только быть средством проверки определенных истин, но и поставить человека перед выбором. Именно на таком, более глубинном толковании имеющихся слов строится предупреждающий и поучительный смысл этого текста: *die Bösen von den Gerechten scheiden und werden sie in den Feuerofen werfen* (отделят злых из среды праведных, и ввергнут их в печь). Семантика предостережения, явленная в имплицитной форме через противопоставление, указывает на последствия выбора (более подробнее о превентивной семантике в новозаветных притчах см. работу (Шатохина, 2023, с. 82-88)). Таким образом, сакрально-религиозное толкование путем расширения референционального семантического пространства текста притчи выводит Божественную/анагогическую (от греч. *αν-αγω* «подъем вверх, выводить наверх, возводить, выводить») истину о том, что Добро является вечной Истиной для праведной жизни. И понимание этого смысла (глубинной премудрости) «быть праведным, нравственным» составляет концептологическое содержание данного текста («праведность»), но не выраженное прямо, с надеждой на то, что слушатель догадается, что имеется в виду. Как отмечает Ю. В. Кульченко (2019, с. 275), применение аналогии, использование наглядного примера позволит человеку с опорой на его жизненный опыт понять духовную истину. Мы попытались кратко сформулировать возможный скрытый смысл данной притчи путем приписывания тексту определенной семантической картины референций.

Теперь посмотрим текст притчи в аспекте выражения им текстоментального процесса *сакрально-религиозной интерпретации*. В этом случае мы выстраиваем притчевый текст как перспективную картину видения, центрирующим фактором которой является точка зрения Иисуса Христа, формирующая картину видения и придающая ей в этом качестве статус духовной/сакрально-религиозной ценности. Заметим, что непосредственную сакрально-религиозную интерпретацию невозможно вывести без помощи Интерпретатора. В этом аспекте основным интерпретативным признаком текста притчи можно считать признание в нем статуса иносказательного текста, требующего не только своего истолкования, если идти от его жанровой специфики, но и сакрально-религиозной интерпретации, если рассматривать этот текст с позиции Интерпретатора. Мы обращаем внимание на изъяснение того, что есть *das Himmelreich* (Царство Небесное). Этот объект рассмотрения обрастает образной аналогией, сравнением, вводимым глаголом *gleich* (подобно). Царство Небесное сравнивается с неводом, закинутым в море, в который попадает хорошая и плохая рыба (*Himmelreich einem Netz, das ins Meer geworfen ist und Fische aller Art fängt*), т. е. облагается семантическими коннотациями, связанными с *объединяющим* действием/началом, с предназначением быть *доступным* для всех, и тем самым приобретает качества высокой ценности (претативности). Эта первая, вводящая фраза, встроенная в «сильную позицию» текста притчи, выражает точку зрения Интерпретатора, который вербально-наглядно изображает Истину Высокой абстракции – Царство Небесное. Здесь же демонстрируется Его духовная позиция по отношению к изображаемому, проявляемая путем положительной спецификации этого понятия через глагол *fangen* (поймать, схватить) в сочетании *Fische aller Art fängt* (захватившему рыб всякого рода). Кроме того, посредством метаксативного посредничества происходит интеграция двух противопоставленных картин видения: с одной стороны, житейская перспектива (*Netz* – невод, *Meer* – море, *Fisch* – рыба, *Ufer* – берег, *Gefäße* – сосуды), с другой – духовная / сакрально-религиозная перспектива, трансцендентно устремленная за пределы нашего чувственного бытия (*das Himmelreich* – Царство Небесное, *die Engel* – ангелы). В Евангелии мы находим следующее

подтверждение: «Царство мое не от мира сего» (Ин 18:36). Так, сталкиваются две перспективы видения, создаваемые точкой зрения Интерпретатора: одна – транспонирует житейскую картину видения в мир невидимый, непознаваемый, недостижимый к Высокой Истине *Himmelreich* (Царство Небесное); другая, наоборот, – делает эту Истину более наглядной: *einem Netz, das ins Meer geworfen ist und Fische aller Art fängt; die guten in Gefäße zusammenlesen* (невод, закинутый в море и захвативший рыб всякого рода; хорошее собрали в сосуды). Из этого столкновения порождается претативная идея, которая заключается в том, что Царство Небесное является совершенным благом для праведников: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф 5:8). Здесь поясним, что понятие Царство Небесное в Евангелии определяется следующим образом: «Царствие Небесное внутри вас есть» (Лк 17:21). По определению Святителя Василия, «Царство Божие есть высшее состояние нравственного совершенства» (Василий, 2007, с. 158). Как видим, Царствие Небесное определяется как состояние «внутреннего», духовного совершенства. Кроме того, в Новом Завете определяется духовное состояние тех, кто войдет в Царство Небесное словом *блаженство* (нем. *selig* «счастливый, радостный», от греч. *makár* «блаженный, счастливый»). Важнейшие характеристики благоденственного состояния указываются в Нагорной проповеди: нищета духа, смирение, плач/сокрушение/видение своих грехов, кротость, милосердие, чистота сердца, искание/сохранение мира, благочестивое отношение к окружающим (Мф 5:3-12). Данные ценностные признаки являются необходимыми духовными предпосылками, духовной целью, условиями и определенными духовными, умственными, душевными усилиями для человека, стремящегося к состоянию истинного блаженства: «...с сего времени Царствие Божие благовестуется, и всякий усилием входит в него» (Лк 16:16). Так, сакрально-религиозная претативность как экзистенциальный императив выражается в праведности, но не во внешней «праведной» жизни, а во «внутренней», духовной: «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф 5:20). От этого несколько изменяется идейный фокус евангельской притчи: главным интерпретативным объектом становится Царство Божие, которое Свыше даруется человеку, живущему по законам «внутренней», духовной, праведности / по законам Добра. Кроме того, мы наблюдаем противопоставление сакральных картин видения: Царство Небесное – плач и скрежет зубов (*Himmelreich – Heulen und Zähneklappern*). Две семантические области – *Gerechten* (праведники) и *Bösen* (злые) – достигают своей высшей точки в лексемах *Himmelreich* (Царство Небесное) и *Heulen und Zähneklappern* (плач и скрежет). Если для первой области определено сохранение (*die guten in Gefäße zusammenlesen* – хорошее собрали в сосуды), для второй же области – гибель (*Feuerofen, Heulen und Zähneklappern* – печь, плач и скрежет). Таким образом, сакрально-религиозная интерпретация евангельской притчи, являясь процедурным способом осуществления процесса театации, дает вербально «ощутить» материю невидимого для нас Царства Небесного. Конечная театативная (умозрительная) цель евангельской притчи через экспликацию сакрально-религиозной интерпретации заключается в том, что человек должен обратить внимание на духовное осознание своего со-бытия, тем самым выйти на уровень Веры. Житейская картина видения привлекается как материал для сакрально-религиозной интерпретации и становится подтверждением того, что «быть добрым, хорошим» (*gut*) воспринимается как Благо: человек (его душа) начинает саморефлектировать (умственно осмыслять, размышлять) и, как следствие, соответствовать высокой цели Царства Небесного.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. *Сакрально-религиозное толкование* открывает доступ к понимаем глубинного смысла текста евангельской притчи как скрытого в нем концептологического содержания, открывающего референциальную значимость человеческих поступков. Тот факт, что Иисус Христос соединил «тайны Царства» с жанром притчи, указывает на то, что в них содержится много нравственных поучений, если их правильно истолковать. Через сакрально-религиозное толкование Иисус дает ключ к пониманию нравственных законов бытия. Для *сакрально-религиозного толкования* текст притчи становится символом порождения данного содержания, который требуется раскрыть. *Сакрально-религиозное толкование* путем расширения референциального семантического пространства выводит сокровенную/Божественную истину из притчевого текста.

Субстанциональной формой *сакрально-религиозной интерпретации* выступает категория текстовой перспективы, порождаемая точкой зрения Интерпретатора – Иисуса Христа, благодаря которой мы можем говорить о том, что кроме житейской (земной: я – здесь – сейчас) перспективы в тексте притчи образуется сакрально-религиозная (духовная) перспектива. Взаимодействие перспективных картин видения в тексте притчи осуществляется посредством метаксивизации, в результате чего специфицируются (претативизируются) не только условия человеческого существования, но и духовные категории, принадлежащие к трансцендентной сфере. *Сакрально-религиозная интерпретация*, являясь процедурным способом осуществления процесса театации (умозрительного видения), транспонирует точку зрения из житейской картины видения в сакрально-религиозную / трансцендентную. Таким образом, *сакрально-религиозная интерпретация* евангельской притчи – это интерпретация «скачка» в область такой системы видения, которая может спуститься только Сверху. *Сакрально-религиозная интерпретация* привносит духовные категории, «уводит» от земного существования в мир Веры, которая не требует доказательств.

В качестве перспектив дальнейшего исследования заявленной проблематики можно назвать выявление и описание особенностей функционирования текстоментальных категорий наблюдения, познания, ценностного отношения, ментофлуктуации, а также их ведущих лингвостилистических тенденций в притчевом дискурсе Нового Завета в немецком и русском переводах.

Источники | References

1. Бобырева Е. В. Модальность русскоязычного и англоязычного религиозного дискурса (на материале библейских текстов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 10.
2. Велижанина Е. М. Сакрально-религиозная интерпретация как лингвостилистическая парадигма евангельской притчи (на материале немецкого и русского языков): автореф. дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2011.
3. Гриненко Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация. М.: Новый век, 2000.
4. Кармадонова О. Д. Значение притчи в герменевтике сакрального текста // Клио-2020: материалы всероссийской ежегодной открытой научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых исторического факультета Иркутского государственного университета (г. Иркутск, 20 ноября 2020 г.) / науч. ред. Е. А. Матвеева. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2020.
5. Кульченко Ю. В. Понятие «сакральный текст» в современной лингвистике // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27).
6. Марова Н. Д. Диалоги о перспективе текста (на материале немецкоязычных художественных текстов): учеб. пособие. Алма-Ата: КазГУ, 1989.
7. Марова Н. Д. Интерпретация текста как категория театации: беседы с аспирантом: в 2-х ч. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2022. Ч. 1.
8. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2-х ч. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006а. Ч. 1.
9. Марова Н. Д. Парадигмы интерпретации текста: монография: в 2-х ч. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2006б. Ч. 2.
10. Мухелишвили Н. Л., Шрейдер Ю. А. Притча как средство инициации живого знания // Философские науки. 1989. № 9. Шатохина Г. Н. Языковые средства выражения предостережения в новозаветных текстах (на материале английского языка) // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 1.

Информация об авторах | Author information

Алексеева Елена Михайловна¹, к. филол. н., доц.

¹ Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург

Alekseeva Yelena Mikhailovna¹, PhD

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg

¹ welizhanina@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.01.2024; опубликовано online (published online): 06.03.2024.

Ключевые слова (keywords): текстоменталия; сакрально-религиозные категории; интерпретация; толкование; евангельская притча; textmental modus; sacral-religious categories; interpretation; analysis; Gospel parable.